

Свиридов Георгий

Его музыка ошеломляет неслыханной простотой

Вот ушел еще один из титанов. Может быть, последний из великих русских композиторов иссякающего века. Георгий Свиридов.

Мы были знакомы почти сорок лет. И были основания нам обоим считать эти отношения дружбою. Мы съели пуд соли в общей киноработе: сделали толстовское «Воскресение», огромный фильм «Время, вперед!», возились над «Золотым теленком». Мы исходили, изъездили сотни километров по рекам, речушкам и даже морям в жажде рыболовной удачи. Наконец, просто подолгу разговаривали или молча сидели друг против друга. И очень многое изъяснили друг другу о самих себе, о своих житейских философиях, эстетических, художественных и просто человеческих симпатиях и антипатиях.

Он был неколебим и монолитен в своих фундаментальных взглядах, в понимании жизни и искусства, их смысла и назначения, в художественных идеалах и привязанностях. Но в каждом новом сочинении его «старые», знакомые идеи вдруг освещались неожиданным светом, и возникал Свиридов новый, с которым ты, оказывается, не очень-то знаком.

Это был долгий, мучительный путь от замысла к окончательному воплощению. Мучительный для художника процесс построения собственной души. Для Свиридова это было стремление к единству. Стремление неосознанное, движимое инстинктом жизни. Единство для него — та сила, которая только и может противостоять губительному процессу распада, расщепления, охватившему все сферы нашей жизни.

Это было сущее поклонение Единству, его обожествление.

У большого поэта каждое стихотворение — часть целого, а творчество — это единство, монолитное целое духа. Именно так возникали мощные свиридовские вокально-симфонические циклы — постоянные поиски крупной формы как единства форм малых. Шекспир, Бернс, Пушкин, Блок, Маяковский, Пастернак, Некрасов, Есенин, Сельвинский, безымянные сочинители русских народных песен — все поют в свиридовском хоре. Его творчество — это понимание человечества как хора, в котором не утрачивается звучание каждой личности.

Он в такой же мере поэт, в какой композитор. Ученик Шостаковича, он воспринял традицию поисков музыки столь же естественной, как звучание человеческой речи. Традицию, которая восходит еще к Мусоргскому.

Это были поразительные поиски единства слова и музыки.

«Я ухо приложил к земле, Я муки криком не нарушу», — писал Блок. Блок слушает землю. Он слышит ее тайные, никому не слышные звуки: гул назревающих потрясений, «неслыханных мятежей».

Свиридов прикладывает ухо к груди Блока и слышит то, что слышит поэт, но чего тот не хочет выразить ни словами, ни криком, — он слышит муку поэта. Его «немую борьбу». Слышит сокровенные глухие тоны блоковского сердца, то, что составляет тайну межсловесной тишины. И он, творец музыки, как небывалой мощи усилитель, способен сделать это явственным всему миру.

Блок и без Свиридова велик, но — имеющий уши да слышит — музыка Свиридова и есть та самая рука, поданная

«в непогоду», о которой Блок просил в 1921-м Пушкина. И чем дальше будут уходить в глубь будущего эти два имени — Блок и Свиридов, тем ближе они будут сопрягаться в представлении потомков. Впрочем, все сказанное я отношу и к другим поэтам — сотрудникам Свиридова.

Его музыка, мне кажется, находится на границе с поэзией. Музыка и слово, полное музыки, сливаются, образуя новое художественное единство. В выбранных Свиридовым стихах есть внутренняя музыкальность, они набухают этой музыкальностью и тогда попадают в его музыку. И кажется, будто Есенин, Бернс, Аветик Исаакян, Пастернак пришли к другу-композитору и написали стихи на его мелодии — настолько велико ощущение внутреннего единства в поэтических циклах Свиридова.

Его музыка ошеломляет и поначалу эпатирует «неслыханной простотой». Его считали традиционалистом, упрекали в небрежении музыкальными новациями. Но это просто та благополучно окончившаяся «смертельного аттракциона» под куполом цирка, совершенного без сетки и страховочного шнура. Чуть мельче масштаб художественной мысли — и готов, расшибся в лепешку: простота оборачивается пустотой, малокровной скукой, пошлостью. В том жанре, в котором работал Свиридов, уже ничто не спасает, не за что спрятаться и невозможно обмануть. Эта простота понятна, убедительна, заразительна, гипнотически впечатляюща.

Замечательный знаток живописи, он создал звуковой образ России и времени. «Мы летописцы грандиозной эпохи» — для него это были не просто слова. И его «Патетическая оратория» на стихи Маяковского устремлена к тем высотам, где нет политических конъюнктур. Единая тема всего его творчества — родная земля и ее народ на сломех и поворотах истории.

Музыкальный эпос? Но какой камерный и лиричный! Родившийся на Куршине, композитор впитал в себя народную песню, но почти никогда ее не цитировал, — словно продолжал ее писать всю жизнь, крестьянскую и городскую, полужив на голоса хора и симфонического оркестра. Так возникла музыка, о которой лондонские газеты писали, что такой мощи Англия не слышала со времен Генделя.

Его мир поражает цельностью. И одновременно открытостью. Его понимание единства никогда не переходило на «цеховой» уровень: людей объединяет не род занятий, не профессия, а общность идей, мировоззрения, понимания роли и назначения искусства. Вот почему вокруг него объединялись люди самых разных художественных профессий — прозаики и поэты, живописцы и ученые, скульпторы и кинематографисты. И каждый, в меру сил и возможностей, у него учился...

Каждый вечер музыкальной темой из нашего фильма «Время, вперед!» начинается телепрограмма новостей. Уже много лет. Однажды музыку сняли, как приметку «тоталитарного прошлого». Потом одумались, вернули. Потому что эта музыка — навсегда. Потому что в ней пульс свободной от политической суеты жизни. В ней время, которое вопреки всем ударам судьбы, историческим катастрофам и непоправимым потерям продолжается вечно.

Михаил ШВЕЙЦЕР.

Известия - 1998 - 9 янв. - С. 5.